«МЫ ОТСТОЯЛИ СТРАНУ»

Беседа главного редактора «Завтра» Александра Проханова и академика Юрия Трутнева

Александр ПРОХАНОВ. Юрий Алексеевич, более двадцати лет назад мы встретились с вами на ядерном полигоне в Семипалатинске. Мы жили в одной гостинице, вместе завтракали, обедали, но не представились друг другу. Мне, писателю, допущенному на сверхсекретный полигон, спецслужбы рекомендовали не быть особенно говорливым и не расспрашивать о лишнем. И я выполнял эти разумные рекомендации.

Через день были полевые испытания, когда взрывали очередной атомный заряд. Прогремел ядерный взрыв, гора поднялась и рухнула на колени. И вы вышли из вагончика с сияющим, ликующим лицом, мы обнимались, а потом, празднуя успех, пили водку. Но опять не представились друг другу и расстались, чтобы, казалось, больше не встретиться.

Теперь мы знаем друг друга, находимся в этом замечательном ядерном центре, и я хочу спросить: чем был тот давнишний взрыв? Какой заряд вы тогда испытывали?

Юрий ТРУТНЕВ. В то время американцы, Александр Андреевич, выступили с так называемой стратегической оборонной инициативой — СОИ. Они объявили о разработке новых экзотических систем оружия. Таких как орбитальный лазер, способный сбивать баллистические ракеты. Или электромагнитная пушка, обладающая чудовищной пробивной способностью. И мы в Советском Союзе, естественно, рассматривали эти американские идеи: рассматривали их достоверность, раздумывали, стоит ли нам создавать наши аналоги.

Тот взрыв, при котором вы присутствовали, предполагал создание очень тонких технологий, целый взлёт технологического творчества, который был необходим для того, чтобы этот взрыв был обеспечен. И я очень волновался за один фрагмент этих испытаний. Я не знал, выдержит ли перед самым началом взрыва эта тонкая и очень дорогостоящая технология.

Я был в том фургоне, где размещались приборы, шёл обратный отсчёт времени, а кнопка ядерного взрыва находилась в соседнем фургоне, где сидел испытатель. Я поставил у открытых дверей моего фургона офицера и предупредил его: если я взмахну рукой, то кнопку не нажимайте, испытание отменяется. И вот смотрю на прибор, где бегут последние секунды, — этот поток цифр, моё волнение усиливается, приближается секунда пуска, моя технология выдерживает, и гремит взрыв! Когда грохнула гора, я выскочил со слезами на глазах, думаю: "Ну, получилось!"

Фото Екатерины ГЛУШИК

Александр ПРОХАНОВ. Этот эксперимент, о котором вы говорите, привёл к созданию оружия? Он ушёл в реальное вооружение?

Юрий ТРУТНЕВ. Нет, он не ушёл в реальное вооружение, он не предполагал создание оружия. Это был эксперимент, и, осуществив его, мы получили то, что искали.

Этот эксперимент предполагал продолжение, но потом случился Чернобыль. Началась истерия по поводу ядерной энергетики и ядерного оружия, и был наложен мораторий на проведение ядерных испытаний, что не позволило осуществить второй эксперимент. И всё направление, задуманное нами, из-за этого захлебнулось.

Александр ПРОХАНОВ. Могли бы перечислить бомбы и заряды, которые вы сконструировали?

Юрий ТРУТНЕВ. Их всех и не вспомнить. После того, как мы вместе с Юрием Николаевичем Бабаевым сконструировали нашу первую крупную термоядерную бомбу, на свет сразу появилось ещё четыре изделия. Причём абсолютно разных по мощности и по калибру. Обычно и бывает так, что из первого, изначально полученного прообраза, истекает целая серия оригинальных результатов. Практически этот наш с Бабаевым успех и его последующее развитие заложили основу термоядерного вооружения Советского Союза.

За этим последовало появление целой серии зарядов, использовавших наше с Бабаевым открытие, и над этими зарядами работали другие специалисты. Но мы, естественно, присутствовали при этих работах, следили, поощряли их.

Александр ПРОХАНОВ. Всё это были разные заряды, разного назначения: для бомбардировщиков, для стратегических ракет, для подводных лодок, для надводных кораблей или мин?

Юрий ТРУТНЕВ. В те годы речь шла прежде всего об ответном термоядерном ударе, и этот ответный удар могло нанести термоядерное оружие. Но, конечно, заряды, которые я создавал, имели различное, в том числе и мирное, назначение. Эти термоядерные заряды могли быть использованы для создания искусственных водохранилищ или при геофизических исследованиях земли. Там, на Семипалатинском полигоне, вы, наверное, видели рукотворное озеро Чаган, наполненное синей водой. Оно получилось от подземного термоядерного "чистого" взрыва — без выделения вредных продуктов. В озере купались, ловили рыбу. Это тоже была веха, и подобных вех в дальнейшем было очень много.

При ядерном взрыве проявляются разные факторы: ударная волна, нейтроны, кванты, рентген. И, в принципе, можно создавать заряды специализированные, которые используют тот или иной поражающий фактор. Этим мы и занимались.

Александр ПРОХАНОВ. Юрий Алексеевич, когда создаётся обычное вооружение: самолёты, пушки, танки, артиллерийские снаряды, конструкторы получают от военных тактико-технические данные и пытаются вписаться в них, создавая образцы, удовлетворяющие требованиям и интересам военных. А у вас, у ядерных оружейников, тот же процесс?

Юрий ТРУТНЕВ. У нас, Александр Андреевич, всё всегда начиналось с теоретиков, с тех, кто понимал физику явлений, что происходили во время взрыва. И когда мы конструировали эти заряды, прежде всего нужно было добиться самого факта взрыва. Мы и не думали о параметрах носителя, куда должны были поместить эти заряды. Лишь бы взрыв состоялся.

Но в дальнейшем мы стали думать над тем, какой носитель подходит для того или иного нашего заряда. И ракетчики или лётчики особенно не придирались к нам со своими требованиями — лишь бы заряд, который мы сконструировали, поместился в этот носитель. Но теперь это время кончилось, и они начали предъявлять претензии, чтобы наш снаряд помещался то ли в бомбовом отсеке, то ли в головной части ракеты, то ли ещё где-нибудь. И нам приходилось, не нарушая физики, приноравливаться к их требованиям.

Я помню, мы ездили к Михаилу Кузьмичу Янгелю. Сколько мы там маялись с его боеголовками!

В сорок шестом году мы испытали заряд РД-6, и Сергей Павлович Королёв стал делать ракету Р-7 специально под наш заряд.

Ракетчики, получая наш заряд весом в несколько тонн, добивались того, чтобы он доставлялся с помощью ракет на определённую дальность. И тогда такой заряд, помещённый в эффективный носитель, становился настоящим стратегическим оружием.

Александр ПРОХАНОВ. Можно ли сказать, что деятели, которые создавали это оружие, в какой-то степени определяли характер войны, что велась с помощью этого оружия? Они определяли, какое оружие следовало применять по столицам, по промышленным районам, железнодорожным узлам или морским портам. Можно ли сказать, что те физики в какой-то степени были конструкторами этой войны?

Юрий ТРУТНЕВ. Были специальные военные институты, где думали над вопросами применения ядерного оружия, о носителях, с помощью которых это оружие доставлялось, о стратегических и тактических задачах морских, сухопутных.

Свойства наших зарядов были таковы, что мы объясняли военным возможности их применения и последствия, к которым приведёт применение. И эти объяснения ложились в основу предполагаемых военных действий.

Мы не только конструировали и создавали сами заряды, но стремились конструировать и боевые блоки, в которые эти заряды помещались. А когда у американцев появилась противоракетная оборона, особый вид вооружённой борьбы, то данной проблемой занимались и военные, и мы.

Конечно, мы создавали оружие, которое называют оружием сдерживания. Давайте говорить прямо: сдерживание сдерживанием, но если бы они нас хлопнули, то и мы бы их хлопнули. Пусть политики и журналисты называют его оружием сдерживания, но это также оружие и атаки, и смертельного удара по противнику. Так мы отстояли страну.

Александр ПРОХАНОВ. А как происходит творчество ядерных оружейников? Быть может, так же, как у художников, писателей: сначала возникает какое-то беспокойство, образ, какая-то мерцающая мечта. Потом это переходит в конкретный сюжет, в конкретную музыку, в конкретный ядерный проект. Быть может, это прозрение во сне?

Юрий ТРУТНЕВ. По-разному бывает, но это всегда результат непрерывного размышления над данной проблемой. Мы работали над созданием одного заряда — это был термоядерный заряд. Мы с Бабаевым его сконструировали, но он по своим размерам с трудом укладывался в головную часть ракеты. Мы всё время думали, как сделать этот заряд более компактным, более приемлемым. Задача всё время сидела у меня в мозгу. Понимание пришло утром, когда я был в ванной под душем: почему бы это не сделать именно так?

Пошёл к Бабаеву, мы вместе обсудили идею. Он её одобрил, мы написали техническое задание и отнесли нашим старшим руководителям. А они не верят, отвергают это, мол, так сделать невозможно. И Яков Зельдович не верит, говорит: только 40% вероятность, что у вас хоть что-нибудь получится.

Но случилось так, что эта идея, в конце концов, заменила всё. И она не имела альтернативы. Пошла в жизнь.

Теоретики, которые взялись за это дело и хотели то ли усовершенствовать нашу идею, то ли пойти другим путём, говорили мне: как бы мы ни хотели изменить направление идеи на лучшее, всё равно получалось по-трутневски.

Александр ПРОХАНОВ. По своей судьбе вы принадлежите к тому поколению отцов-основателей, которые создавали советский военно-ядерный проект, вы — часть этой интеллектуальной культуры, часть этого первого творческого этапа. Но когда отцы-основатели покинули проект, вы сами стали лидером, сами стали патриархом. Что это за среда, в которую вы тогда попали? Кто они, отцы-основатели советского ядерного оружия? Как они общались, как они делали это оружие? Каков был характер их отношений?

Юрий ТРУТНЕВ. Дело в том, что, когда мы приехали, у них уже сложилась своя собственная компания, своё сообщество. Они — люди одного возраста, коллеги. Для нас они были старики. Это времена, когда уже была взорвана первая бомба, что очень сильно сплотило их. Там были люди разных специальностей, потому что такой взрыв требует участия огромного количества специалистов. Конечно, мы, молодые учёные, прежде всего сблизились друг с другом.

Но наши руководители были демократичны (хотя я не люблю слово "демократичный", они были просто нормальные в общении люди) и обращались с нами как с равными. Мы могли прийти к ним с любым вопросом — с научным или житейским. Особенно к Андрею Сахарову и Давиду Франк-Каменецкому.

Мне повезло, потому что я работал в кабинете с Франк-Каменецким. Вначале я сидел в кабинете у Григория Гандельмана, но он всё время стоял над моей душой, смотрел, как я работаю, и твердил: "Мало, мало". И тут же начинал говорить по-итальянски. Мне это надоело. И когда он в очередной раз начал своё "мало, мало", я, попросту говоря, послал его, пошёл вон из кабинета, а он кричал мне вслед: "Останьтесь, останьтесь!"

Я пришёл в кабинет к Франк-Каменецкому и сказал: "Я не могу с ним работать, нет никакого взаимодействия". Франк-Каменецкий попросил меня принести стул к нему. Я перенёс стул к Франк-Каменецкому и решил там оставаться для нашей совместной работы. Помню, Гандельман вбежал в этот кабинет, закричал: "Вы забрали у меня работника, а мы в это время выполняем сверхважный государственный заказ!"

Франк-Каменецкий спокойно сказал: "Знаю я этот сверхважный государственный заказ. Харитон и Зельдович что-нибудь напишут, вот и весь ваш важный государственный заказ". С тех пор я работал с Франк-Каменецким в его кабинете.

Он был для меня настоящим, большим учителем. Я приехал из Ленинградского университета, где у нас даже не было курса газовой динамики. В первом томе учебника "Теоретическая физика" у Льва Ландау было несколько упоминаний о газовой динамике, но найти книгу Ландау было практически невозможно. В Ленинграде я держал в руках эту затрёпанную, замусоленную книгу, читанную-перечитанную, но не мог её приобрести. Потом довольно быстро появился труд Ландау уже большим тиражом. И тогда мы оставили английские книги и перешли к чтению этого труда.

Александр ПРОХАНОВ. А было ли ощущение в те годы какого-то особого режима, напряжения? Работа по ночам, вытряхивание всех внутренностей, сумасшедшая гонка вооружении…

Юрий ТРУТНЕВ. Никакого вытряхивания внутренностей я не чувствовал. Учились, работали, постепенно начали давать кое-какие идеи. Потом стали эти идеи обсчитывать.

Мне поручили исследовать и классифицировать отчёты наших крупных физиков, участвовавших на первых этапах в ядерном проекте. Эти великие физики с помощью простых дифференциальных уравнений показывали очень серьёзные и значительные вещи.

Работа над этим каталогом открыла мне множество замечательных методик, когда с помощью совершенно простых и очевидных уравнений открываются сложнейшие явления. Зельдович любил подобные вещи, он всегда стремился объяснять всё очень просто. В его замечательной книге, которую отругали трое академиков, "Высшая математика для начинающих", он практически на пальцах объяснил, как получить "критическую" массу.

Когда мы приходили к нашим старшим коллегам и занимались суждениями или обсчитыванием каких-нибудь проектов, разговаривали помимо этого о литературе, искусстве, философии.

Франк-Каменецкий в этом отношении был чрезвычайно осведомлённым человеком. Он великолепно знал искусство: живопись, поэзию. Я после разговора с ним ехал в Ленинград, шёл в музей и смотрел картины. Например, Клода Желле (Лоррена) "Утро в гавани". "Матросы гаваней Лоррена / Вы — собутыльники мои" — стихи Георгия Иванова. Это и стихотворение, и картина.

Он много говорил об импрессионистах и новейшем искусстве. И, конечно, это очень на меня влияло. Я гуманитарно образовывался с его помощью.

Когда учился в университете, у меня был товарищ, который воевал, был капитаном, страстно любил музыку. Дворянин, когда-то у его семьи была большая квартира, но от этой квартиры им осталась маленькая комната. И у него была масса музыкальных пластинок. Он мне их ставил, я слушал. Мы с ним ходили на концерты в филармонию. Помню один концерт, где исполняли сначала Моцарта, а потом Шестую симфонию Бетховена. Моцарта я прослушал легко, на большом подъёме, а в Шестой симфонии я ничего не понял.

Позднее мне пришло понимание Бетховена. Когда я утром уходил на работу, ставил пластинку с Шестой симфонией, и её начало вдохновляло меня. И, воодушевлённый, я шёл на работу. У меня возникало соответствующее — бетховенское — настроение. Музыку я любил, люблю и буду любить.

Александр ПРОХАНОВ. А эта пора была очень политизирована? В среде, в которой вы работали, царил политический либерализм или существовали ограничения, политические и идеологические доктрины, которые присутствовали в обычных гражданских учреждениях?

Юрий ТРУТНЕВ. В гражданских учреждениях я никогда не работал. Но мне везло, и я был окружён таким обществом, где мы говорили всегда обо всём. Мы слушали западные радиостанции, обсуждали эту информацию. Помню, читали книгу маркиза Астольфа де Кюстина, сравнивали описанную им Россию с нынешней.

Мы собирались компанией по какому-то взаимному увлечению, симпатии. Зубарев, Климов, Моралёв.

Александр ПРОХАНОВ. Вы встречались у кого-то дома?

Юрий ТРУТНЕВ. Да, ходили в гости. Но обычно к кому-нибудь одному. Когда здесь были Лаврентьев и Боголюбов, мы у них кучковались. Бывало, придём к Боголюбову, он залезет в шкаф и достанет бутылку коньяка.

Александр ПРОХАНОВ. Вы ведь дружили своим поколением, а к этим великанам не слишком-то близко подходили.

Юрий ТРУТНЕВ. С такими людьми, как Сахаров и Зельдович, большей частью я взаимодействовал на работе. С Сахаровым взаимодействовать на работе было — одно удовольствие. Мы говорили о физике, а потом разговор вдруг переходил на совершенно иные темы.

Александр ПРОХАНОВ. А как бы вы описали этих людей, ну, например, Харитона? Что это был за психологический тип?

Юрий ТРУТНЕВ. Это непростой вопрос. У человека очень сложная биография, большая ответственность. У меня такое впечатление, что он всё время ходил по краю.

Александр ПРОХАНОВ. В каком смысле: политическом, идеологическом?

Юрий ТРУТНЕВ. Не знаю, он производил впечатление внутренне постоянно настороженного человека. Он был очень осторожным, насколько я знаю. Но когда мы ехали куда-нибудь с ним в командировку, сидели в его купе, то разговоров на политические темы у нас не было. Разговаривали об искусстве, о литературе, играли в карты. Его жена очень любила играть в карты. Почему бы мне было не составить им компанию? Можно было поговорить, поспрашивать.

У меня с Харитоном какая вещь произошла: я заинтересовался вопросами ядерной физики ещё в школе. В то время литературы по ядерной физике никакой не было. В "Большой советской энциклопедии" вообще ничего нет кроме слова "атом".

В моей комнате висела таблица Менделеева. Я смотрел на таблицу — это был пятый или шестой класс — и задумался, стал подсчитывать количество изотопов у каждого из элементов. Оказалось, что наибольшее количество изотопов у олова. Но почему именно у олова наибольшее количество изотопов, я не знал.

Ещё до войны выходил журнал "Техника — молодёжи". Там писали, что атомная энергия — это энергия будущего. Пароход может пройти от Ленинграда до Нью-Йорка и обратно, не заправляясь. Игорь Курчатов и Георгий Флёров писали о делении урана. В газете, не помню, то ли "Правда", то ли "Известия", неожиданная заметка: "Уран-235". О том, что Зельдович и Харитон занимаются цепными реакциями, и это ляжет в основу будущей атомной энергетики.

Об этом уже говорили до войны, и шла в данном направлении большая работа. У меня такое ощущение, что, если бы не война, очень может быть, что мы первыми бы пришли к атомному реактору и первыми создали атомную бомбу. Не знаю, смогли бы мы это сделать с точки зрения технологии, но теоретически были готовы. Война сильно всё затормозила.

Я тогда собирал соответствующую литературу, и вдруг вижу — книжечка Юлия Харитона. Была какая-то научная конференция, а сборник по этой конференции составил Харитон. И когда здесь, в Сарове, познакомился с Харитоном, говорю: "Юлий Борисович, у меня есть ваша книга, одна из первых". Он изумился: "Юрий Алексеевич, я нигде не мог найти эту книгу". Я, конечно, ему отдал эту книжечку. Она сейчас лежит в его музее, и на ней есть надпись: "Трутнев", потому что я на каждую свою книжку ставил мою фамилию.

Александр ПРОХАНОВ. А что за человек Зельдович?

Юрий ТРУТНЕВ. Зельдович был очень умным человеком, подвижным и жизнелюбивым. Харитон его звал "Яшка — гений". По темпераменту Зельдович был абсолютно противоположным Харитону. Харитон очень редко повышал голос. Когда он сердился, то сжимал свои кулаки, постукивал ими по столу, ноздри его раздувались, и он громко сопел. Потом отходил, успокаивался, и дальше продолжалась нормальная работа. Главным его ругательством было слово "кабак". "У вас здесь такой кабак!" — восклицал он.

Зельдович был гораздо раскованней. Его избрали в академики. Назначили сборище в коттедже "генеральском", как он тогда назывался. Зельдович очень любил шутки, и иногда эти шутки были на грани. Конечно, он был интеллигентным человеком, но мог привести какой-нибудь едкий литературный пример, из которого всё становилось понятным.

И когда его избрали в академики, надо было как-то поздравить. И вот мы с моим соседом Рабиновичем стали размышлять, что подарить. Придумали, быстренько сделали эту штуку, упаковали, приходим в генеральский коттедж, а все уже за столом. Извиняемся, говорим, что задержались, потому что надо было сделать достойный подарок, вручаем ему, он кладёт пакет рядом с собой. А с ним сидел Давыденко, экспериментатор, тоже такой — свободный товарищ. Взял да и начал распечатывать этот пакет. Достаёт шапочку, на ней написано "Академия наук". А потом вдруг завопил: "Яшка, посмотри, что они тебе принесли!" Достаёт плавки с розочкой и надписью: "Действительный член".

Зельдович был страшно доволен и наградил нас бутылкой шампанского.

Александр ПРОХАНОВ. А Сахаров, что он был за персонаж? Как он выглядел в том кругу физиков, с учётом эволюции, которая потом у него случилась?

Юрий ТРУТНЕВ. В кругу физиков он был физик, был немногословен, много времени проводил на работе. В его кабинет часто приходили люди, потому что там было всегда интересно. Он на доске рисовал формулы, графики, там велись дискуссии, прежде всего — по поводу физических явлений. Один эпизод я хочу отметить, он касается лично меня.

Я работал с Франк-Каменецким, и меня с ним связывали очень душевные отношения. Он обо мне заботился, я заботился о нём, был к нему внимателен. Я не любил ходить ни к кому в дом и практически ни разу не был у Сахарова, кроме того случая, когда мы праздновали его сорокалетие. В доме у него вообще-то было довольно пустовато, и наши жёны накупили тарелки, вилки, ножи, всякую утварь, вино, водку, набрали весенних голубых цветов, их называют "сон-трава", и подарили ему двухтомник воспоминаний Шаляпина.

Должен сказать, у нас в Сарове за книгами собирались ночные очереди: мы знали, какие книги поступали в наши магазины, и занимали очереди, чтобы купить эти книги. У меня дома громадная библиотека, особенно я стремился покупать книги с памятниками литературы и прочитывал все эти томики.

Но я о другом. Ведь у наших "стариков", в их среде, были свои отношения. Отношения между Сахаровым и Харитоном, между Франк-Каменецким и Харитоном. Эти отношения были напряжённые. Чем это вызвано, я догадываюсь, но не стану об этом говорить.

Франк-Каменецкий был настоящий физик и настоящий классический учёный, а Зельдович был со всеми в хороших отношениях: и с Харитоном, и с Франк-Каменецким, и с Сахаровым.

Произошла такая вещь. Поехали мы как-то все вместе в Москву на конференцию в ФИАН, который располагался за Калужской заставой. А Калужская застава в ту пору кончалась полукруглым зданием, за которым шло поле. В этом поле одиноко стоял наш институт. Как говорили, это полукруглое здание спроектировал сам Берия.

Мы побывали на конференции, и вдруг ко мне подбегают мои друзья и говорят: "Ты слышал, Франк-Каменецкий уходит из нашего центра". Как уходит? Я поймал в вестибюле Франк-Каменецкого, он надевал пальто. Говорю: "Я слышал, вы от нас уезжаете?" Он говорит: "Да, хотите со мной?" Что мне было ответить? Я ведь работал уже много лет под его руководством, мы с ним сблизились. И отвечаю: "Я бы очень хотел с вами работать". Мне действительно страшно было терять такого учителя.

Приезжаю домой, в Саров. Вызывают меня к себе Зельдович с Сахаровым, говорят: "Юра (а я для них всегда был Юра), мы слышали, вы уезжаете вместе с Франк-Каменецким". Я — молчок. Говорят: "Не делайте этой глупости. Вы уже вошли в курс дела, у вас есть задатки, есть идеи".

Да какие у меня особенные идеи? Я слушал, слушал, потом нахально их спрашиваю: "А почему вы решили, что я собрался уезжать?"

"Ну, как же, Франк-Каменецкий говорит, что вы согласились с ним работать". "Нет, я не сказал, что хочу вместе с ним уезжать, я остаюсь. Я не хотел такому уважаемому мной человеку сказать нет".

Эти оба обрадовались моему ответу: "Очень хорошо, но теперь надо сделать так, чтобы не обидеть старика". Какой он старик? Сорок с лишним лет. А этим сколько было? Сахаров на пять лет был меня старше.

Короче говоря, Франк-Каменецкий уехал, а я остался и не жалею. Мне нравилась атмосфера, нравились люди. Даже когда случалась какая-то несправедливость по отношению ко мне, я спокойно её переносил. Я никогда не рвался ни на какие посты.

Александр ПРОХАНОВ. Я всё время думаю: в Сахарове была двойственность. С одной стороны, он, несомненно, великий учёный, творец советского ядерного оружия, страна обязана ему очень многим. С другой стороны, в нём произошла какая-то эволюция, изменилось мировоззрение. И этим он перечеркнул свою роль. Он стал играть новую социальную роль с его новыми либеральными концепциями, развил её. Как это произошло? Это было заметно? Вы могли почувствовать в нём эту эволюцию?

Юрий ТРУТНЕВ. Мне не хочется говорить об этом, но у меня есть своя интерпретация того, что произошло с Сахаровым. Эта интерпретация подтверждалась некоторыми последующими его действиями. Видите ли, все имели три звезды (Героя Социалистического Труда), а он — две. Быть может, об этом нехорошо говорить, но у меня мелькала мысль, что ему очень хочется получить третью звезду.

Помню, я пришёл к нему и сказал: "Андрей Дмитриевич, давайте сделаем бомбу мощностью в сто мегатонн". После сорок девятого года, после нашего первого взрыва, нам было ясно, как её сделать. Он страшно загорелся и начал действовать в верхах. Нас было четверо: Адамский, Бабаев, Смирнов и я, Трутнев. К этой работе подключался и Сахаров. А потом появились так называемые его воспоминания. Почему "так называемые"? Потому что время, которое касалось его пребывания здесь, у нас, было описано в этих воспоминаниях неверно. Такое ощущение, что не он писал эти воспоминания. Убейте меня — не он писал. Он ни словом не упомянул о Бабаеве. Лишь в одном месте мельком упомянул Трутнева. А ведь мы с Бабаевым руководили всем этим процессом. Сахаров всё время присутствовал около нас. Он в этих воспоминаниях даже не те фамилии назвал.

Я поделился своими впечатлениями с Рабиновичем: "Евсей, как ты относишься к этим воспоминаниям?" Он сказал: "Это просто путаница, ничего подобного не было".

Мы работали с Бабаевым, а Адамский был молодой и не так близко подходил к проекту.

Александр ПРОХАНОВ. А не связано ли такое поведение Сахарова с тем, что все физики чувствовали себя в то время особой расой?

Юрий ТРУТНЕВ. Я думаю, что особой расой чувствовали себя те физики, которые занимались элементарными частицами, Вселенной и так далее. Ведь физиков, которые занимались тогда ядерными зарядами, было не так много.

Александр ПРОХАНОВ. Эйнштейн занимался проблемами мироздания. Ему потребовалось поднять проблемы этики, мировой политики, смысл человека на земле. Тогда у него возникли гуманитарные концепции. То же и у Оппенгеймера. Может, Сахаров просто копировал их, может, он достиг как учёный такого уровня, когда необходимо было заняться идеологией, политикой?

Юрий ТРУТНЕВ. Вы посмотрите, как он выходил на общественную арену, как он продвигал свои идеи. С одной стороны, он говорил, что надо срочно прекращать испытания. А с другой стороны? У нас появилась бомба на двадцать мегатонн, и точно такая же бомба была у нашего коллеги, физика Льва Петровича Феоктистова. Сахаров занимался последствиями, которые произведут взрывы бомб: влияние на человеческую генетику, экологию. Говорил, что тысячи людей умрут через определённое время после испытания бомбы. У него была одна бомба, и другая бомба — у Феоктистова. Если уж ты так жалеешь людей, если ты такой человеколюб, то нужно уничтожить одну из бомб, и в первую очередь свою. А он поехал к нашему коллеге Феоктистову убеждать того не испытывать бомбу. "Не испытывай, ведь люди гибнут", — говорил он. Но свою бомбу он всё-таки испытал.

Такое впечатление, что Сахаров всё время хотел стать знаменитым. Он начал отходить от науки и заниматься, Бог знает чем: собирал подписи, печатал статьи.

Однажды я встретил его. Он приветливо ко мне обращается: "Ну, как дела?" А я спросил: "Андрей Дмитриевич, а вы наукой занимаетесь?" Он отвечает: "Нет, времени не хватает". Я ему говорю: "А вам не надоело микроскопом гвозди заколачивать?" А он: "Эх, Юра, я попал в такое колесо, из которого не выскочишь". Я говорю: "Приезжайте к нам". Он: "Нет, я уже не могу".

В это время появилось много статей, направленных против семипалатинских испытаний, вопили во всю глотку, выводили на демонстрации детей. Нас с Харитоном это возмутило, потому что вопли о мучительных страстях, увечьях, раковых заболеваниях — всё это было ерундой. Говорю Харитону: "Юлий Борисович, давайте съездим к Сахарову, у меня заготовлено к нему три вопроса". Приехали. Он жил тогда на улице Чехова. Он вышел, выглядел очень усталым. Это было за несколько дней до его смерти. Он умер 12 декабря, а мы были десятого или девятого.

Ведётся спокойный разговор, и я задаю вопрос: "Андрей Дмитриевич, а можно ли сдавать ядерный заряд на вооружение без испытаний?" Он говорит: "Можно, если по расчётам". Я говорю: "Как же по расчётам? Вы забыли о самых сложных местах, которые мы просто не знаем". Он говорит: "Нет, можно по расчётам и моделям".

Задаю второй вопрос: "Как вы считаете, подземные взрывы опасны?" Он отвечает: "Нет, при соответствующих технологиях эти взрывы не опасны".

Третий вопрос: "Сейчас идёт спор: англичане, немцы, французы, американцы испытывают свои заряды, а мы нет. Как к этому относиться: правильно это или нет?" Он отвечает: "Да, это правильно, пусть они испытывают, а мы не должны испытывать". На этом разговор закончился.

Выходим мы с Харитоном, одеваемся, Харитон надел свою знаменитую шляпу, и, стоя в дверях, говорит Сахарову: "Андрей Дмитриевич, ваша позиция — это позиция игрока". Сахаров отшутился: "Да, я был в Ницце, играл". Мы распрощались и ушли.

Это была последняя встреча.

Александр ПРОХАНОВ. Спасибо большое, Юрий Алексеевич, за интересный разговор.